

гов своей творческой деятельности, почувствовав правильность и действенность эстетических принципов Новикова и Фонвизина, последовательно развивал их общественно-политические и творческие установки. В 90-е годы, после смерти Фонвизина, ареста Радищева и Новикова, в суровые годы реакции, он стал во главе демократически настроенных писателей.

Эстетическая концепция последних складывалась, прежде всего, не в борьбе с французским классицизмом, как это утверждают некоторые исследователи,² но в борьбе с эстетическими установками карамзинской школы, сознательно уводившей читателей в мир лишь частной жизни героев, воинствующей в своей проповеди бессилия человеческой личности, подменявшей социальные проблемы моральным их истолкованием.

Что касается критической деятельности Н. М. Карамзина, составляющей предмет непосредственного нашего рассмотрения, то при всех отрицательных свойствах, всецело вытекающих из вышеописанной классовой позиции, личная заслуга его, широкообразованного, с тонким вкусом, талантливого писателя, в области русской театральной критики весьма значительна. Рецензии Н. М. Карамзина на постановки пьес в Московском театре — одна из ярких страниц в ранней истории русской театральной мысли. Его «Московский журнал», выходивший в 1791—1792 годах, был первым русским журналом, в котором систематически печатались статьи, посвященные вопросам театра, драматургии, вопросам актерского мастерства. Карамзин одновременно сообщал о постановках французского, итальянского и русского театров.

Рецензии «Московского журнала» различны по своему объему, построению, содержанию. Иногда это просто более или менее подробный пересказ пьесы, сопровождаемый краткой оценкой, как например: «Сия маленькая пьеса изрядно принята московской публикою». Но чаще Карамзин дает анализ драматического сочинения с характеристикой действующих лиц, постановкой и решением вопросов общетеоретического характера, с разбором актерского исполнения ролей. Причем он не просто, сцена за сценой, передает содержание, а выбирает по своему усмотрению наиболее трагический или трогательный момент и через психологию действующих в этой ситуации лиц раскрывает смысл происходящего.

Нередко постановка трагедии или драмы интересует Карамзина не сама по себе, но лишь как повод для теоретических

² См статью Т. Я. Карской «Крылов и эстетика русского театра» (Сб. «Русские классики и театр», Изд. «Искусство», М—Л, 1947, стр. 109—163).